

Физиология дамиан - штука довольно своеобразная. По сути своей являясь материализованными душами, в преимущественной степени живут они всё по тем же законам, что и смертные расы. Им нужно спать, им нужно есть - ведь таким образом куда как проще восстанавливать затраченную энергию. Они устают, в случае ран - кровоточат и умирают. Пусть и стремясь к некоей своей, лично прописаной им константе, они даже могут развить мускулатуру, потолстеть или похудеть. А волею своей живой богини, им даже позволено закрепить достигнутый результат в случае возрождения. Но бывают и исключения - например, Неллит может посчитать интересным чей-нибудь... к примеру сказано будет - кукольный вид, а потому закрепит длину волос или же маленькие аккуратные ногти более жёстким стандартом и в случае их потери они с одной стороны должны быстро вернуться к прежнему виду (как и потерянный палец, который всё-таки должен присутствовать), а с другой - отрастить шикарный маникюр или скрыть жопу за волосами, увы, было уже невозможно. Кроме как лично попросить её снять это ограничение в обмен на каплю фавора.

Да, если что, то речь сейчас шла конкретно о Шаос. Длина волос и форма ногтей у неё были сурово закреплены, а вот вес, как ни странно - нет. И она вполне могла как располнеть, так и похудеть. Однако же первое ей не грозило, ведь некое... физическое состояние, что наступало у неё регулярно и довольно-таки часто, активно выпивало из неё всё лишнее вплоть до условной, малость пухлявой константы. А вот похудеть она с трудом, но вполне себе могла... И в данный момент была близка к этому как никогда - жрать здесь было попросту нечего!!

Короче, к чему всё это. Получив столько образцов для исследования (пусть для этого и пришлось поползть по полу с совочком), Кевин с головой погрузился в работу - настолько, что вообще перестал ездить в город, более не привозя оттуда готовую еду и свежие продукты. И хрен бы с ним, она готова была есть и голую жареную картошку, но нет - после того случая её перестали пускать на кухню. Ибо все обитатели дома, кроме неспособного к поднятию по лестницам Герберта, стали свидетелями той грязи, что она устроила у себя в комнате. Сильно конечно всё это драматизируя, но факт был фактом - и Хатакри, и Райзи готовить ей теперь не позволяли. Да и в принципе есть старались вне её присутствия.

И опять же - ладно! Проблема с питанием была только лишь одной половиной беды. Второй стало то, что жизнь вошла в спокойное русло. Очень спокойное русло. Насколько спокойное русло, что с виду в нём даже и течения никакого не было - зремя затянулось сонной, ленивой змейей. Если бы только ещё сытой, но о сытости и говорить было стыдно: сон сменялся работой, работа... которую её и работать-то не просили - плавно перетекала в валяние на кровати и блуждание по имению и его окрестностям. Сам этот островок она покидать пока не решалась, максимум - выходила за ограду и обходила её вокруг.

Шаос было скучно. Проклятье, и не той скукой, которую можно было развеять чтением увлекательных историй о похождениях какой-нибудь задорной букашки - ей хотелось внимания. Хоть какого-нибудь общения - хоть бы вот дурой поназывали, а она бы в ответ покривлялась. Она в одночасье стала тут никому не нужна.

И проскучав уже почти пять дней к ряду, она сейчас сидела на крыльце в кресле-качалке (подложив под ножку рукоятку метёлки, чтобы то не качалось) и с усилием грызла найденную за шкафом колбаску. К счастью, та не сгнила там, а лишь намертво высохла и после обмывки от пыли вполне себе годилась к употреблению. В любом случае, это было вкуснее, чем с утраца приготовленное руками Хатакри жаркое из, вероятно, болотного торфа.

- Давайте, зубки, гвызыте! Зъя вы сто ли лосли, а? - Сказала она, поглядывая на разжёванный край изделия. Практически, но ещё один кусок она смогла-таки отгрызть. И криво вцепилась в него вновь, начиная с упорством, с уже болящей челюстью его трепать. Она справится!..

За спиной же её приоткрылась дверь. И в скрипе плохо смазанной оси, из особняка выехал Герберт, с трудом перебирая руками по колёсам коляски.

Тот заставляющий сердце сжиматься страх, что она испытывала при виде него с самого начала, уже успел смениться на жалость и лишь лёгкую, но брезгливость. А потому девушка отложила своё не поддающееся зубам лакомство и, полуобернувшись, тихо спросила:

- Вам помоть?..

До чего же её, вторую звезду “Рогов и Копыт”, довели. Вам помочь!.. Всё-таки хорошо, что она туда не вернулась. Она слишком размякла душою после того, как едва не нашла себе друзей и пол года прожила вместе с отцом - её бы там застремали.

Но и здесь житьё также было невыносимо...

Вновь заскрипели колёса. И человек, подъехав к “её” креслу вплотную (чем заставил низкорослую девушку слегка отпрянуть назад), положил руку на круглый подлокотник.

- Всё боишься? Старого Герберта?

Дамианка отвела взгляд. Стыдно было признаться, но и общаться с ним ей всамделишно было неприятно. Причём - по целому множеству причин, в число которых входило и это скверное, сильно обязывающее чувство, испытываемое перед серьёзно больным... или же не способным отпустить прошлое человеком. Когда ты ничем и никак не можешь помочь, а всё ваше общение раз за разом сводится всё к одному и тому же. И при этом ты не имеешь права сказать: "ой, да не парься, зато смотри какое солнышко красивое! А ещё я весь такой заебатый, а ты меня тут сейчас со своими проблемами грузишь!" Если, конечно, ты не полный мудака.

Шаос, несмотря на то, что старалась такой казаться - такой не была. И смиренно выражала своё сочувствие.

- Ты ведь знаешь? Знаешь, что я... - Голос его был хриплым, а говорил он медленно, с перерывами. Ему не хватало воздуха. - Скоро умру?

- Не надо так говоить... Кевин как лаз делает какую-то с... сыволовот!.. сылволо!..

Но пока она там, закатив глаза, ломала себе язык над этим дурным словом, мужчина протянул в её сторону руку и осторожно коснулся её запястья - и это было подобно тому, словно бы по коже ей провели куском старой коры. Шаос вздрогнула и резко отпрянула прочь, чуть ли не со

слезами отряхиваясь от этой оставшейся на ней пыли!

- Прости. Я не выдержал. Я так давно, так давно... Не чувствовал человеческого тепла! С тех пор, когда я... Я был ещё человеком и мог обнимать мою Райзи!

С едва слышно срывающимся с её нежных, слабо дрожащих губ скулением, ехидна отёрла руку об одежду и уже хотела сказать ему что-нибудь бессмысленное, но дежурно-ободряющее. Вроде - всё будет хорошо, надо только верить, не нужно унывать!.. Но чёрная тень легла на лицо полукровки, когда Герберт сделал некий жест рукой. И Шаос всерьёз понадеялась, что этим он хотел поправить укрывающий его колени плед. Не более. Что на самом деле он не похлопывал себя по коленям!..

Но он повторил это движение вновь. И обманывать себя стало очень сложно - он похлопывал себя по коленям, чтобы она!..

- Прости меня, никчёмное, бесполезное полено. Но я.. я был бы благодарен. Благодарен тебе, как! Как никто другой на этом свете, если бы ты... ты вновь!.. В последний раз в моей жизни!

Залезть к нему на колени. К нему!! От этой мысли по спине полукровки прошла обильная волна мурашек, а сама она чуть было не выпала с кресла - настолько она подалась назад!..

Но потом ей стало грустно. Ведь бедняга всего лишь хотел вспомнить о тех давно минувших годах, когда он мог обнимать свою дочь... А она, в такой момент эмоциональной слабости, шугалась его! Ну что она за человек...

И с плотно стиснутыми губами, через "кислое" чувства под челюстью (определённо вызванное не той железобетонной колбасой) и кусючие мурашки под кожей, комочек синеволосого зла стал перебираться через подлокотник, в сторону сияющего выразить свои чувства мужчины.

- В последний... последний раз, почувствовать себя!.. - Лизка, с дрожащими губами, встала на его колени своими коленями и из-под низу уставилась на его покрытое мхом лицо. Слабо подвижное, шершавое. С одним лишь уцелевшим глазом. Какой-то стебелёк даже торчал с уголка его губ, оканчиваясь маленьким, полузавядшим листком.

Пусть... пусть!.. Даже если дамиане и оказывались поражены скорбной розой - они возрождались свободными от этой заразы! Хотя бывшее их тело и продолжало служить пищей для растущего в нём растения, ей ничего не грозило! Она воскреснет вновь!..

- Дай мне почувствовать себя мужчиной... вновь мужчиной!..

Тё?... В смысле!..

- Тё?.. - Плечей служанки коснулась шершавая рука мужчины. И он, проведя ею ниже, к её

крылышкам, сильнее прижал к себе это маленькое, тёплое тельце.

- Я не очень подвижен. Но если бы мы... Мы могли, где-то уединиться, и ты бы...

- Нет! Я не могу! Я не могу сделать та!..

Двигаться, сидя на этой вихлючей, болтающейся коляске было непросто, но Шаос всё же смогла найти равновесие и спрыгнуть на землю, ибо трахаться она с этим человеком-деревом не собиралась! Нет! Точно не собиралась впускать в себя его семя, чтобы оно... Да что вообще могло вырасти из него, слейся он с её клетками - она знать не хотела!

Но вот ведь незадача - когда она спрыгнула, то запястье её оказалось зажато скрюченными пальцами Герберта. И он с ощутимой для себя болью, когда кожа на плечах опять начала трескаться, подтянул вознамерившуюся убежать девку к себе. И схватил её за затылок второй рукой, чтобы большой палец обвил её отрастающий рог сверху, а остальные - погрузились в её пышные голубые волосы.

- Не сопротивляйся! - Прохрипел он, притягивая к себе её голову. - Всё кончится быстро! Просто помоги! Помоги мне! Ты всё равно бессмертна!

Что-то поползло по её шее. Прямо под ошейником и оплетая её вокруг - это был длинный и лохматящийся корой корень, шестым пальцем проросший у основания его ладони. И поддушивая им девчонку, чтобы та не дёргалась, он сбросил с колен укрывающий ноги плед и неуклюжими движениями расстегнул на штанах пуговицы, освобождая наружу свой... ну, ещё один корень. Среднестатистический с виду эренированный мужицкий член из плоти с плохо обнажившейся головкой. Разве что, чуть более бугристый от вен (часть из которых наверняка была не венами), да ещё и не подверженный влиянию ауры Шаос, из-за чего достигал вполне обычных четырнадцати сантиметров в длину. А значит, она могла без боли и риска вывихнуть челюсть взять его в рот, но...

Из самого кончика его закрывающей головку шкурки торчали три каких-то... волосинки? Три коротенькие, коричневые волосинки. И до того они привлекли собой внимание девушки, что когда её голову подтащили ещё ближе, одновременно с этим вставленным в рот пальцем разводя челюсти, она до последнего не сводила с них взгляда.

Её же сейчас... не брали силой? Нет?..

- Открой свой ротик!.. - Сказал он. И Шаос послушалась - она открыла тёплый и полный влаги рот навстречу трём шевелящимся корешкам, что насквозь прорастали через уретру Герберта. И полностью взяв его член в голову - уложила ему на колени руки и начала сосать.

Вкус был отвратительный. Как будто она грызла поросшую мхом кору. А слюна впитывалась в шершавую кожу настолько быстро, что у неё никак не получалось его смочить, из-за чего он болезненно шоркал по её нежному горлышку. Ведь он хоть и не был настолько большим, как

обычно, но даже таким он был слишком велик для метровой полурослицы! А пихал-то он в полную силу, в самое горло!

Но всё это было пустяком по сравнению с ощущениями, причиняемыми теми корешками. Они ползали. Они шевелились, извивались там и скреблись в сторону пищевода. Кажется - пищевода. А Шаос ничего не могла с собой сделать - мужчина держал её за затылок обеими руками, пока она, с чувством сущего страха, стояла перед ним на носках и сосала. Страх, от которого сердце её коротко билось, а пальцы на ногах поджимались. Давилась, кашляла - но сосала!

"Розы не прорастают в живых телах... Не прорастают в живых телах!.." - между тем твердила она себе мантру, пока по щекам её текли слёзы, падая на истрёпанные, пахнущие пылью и затхлостью штаны Герберта.

- Ах... какая мокрая, слюнявая дырочка!

И он расслабил руки, ослабляя давление на синюю головку, что сама, своими силами продолжила сосать ему член. Зачем? Для чего? Шаос не знала. Но остановиться уже не могла, а чувство риска лишь усиливало общие ощущения. Делало их ярче. Так, что она, прижимаясь грудью к его ногам, спустила обе руки до своего живота и плотно прижала юбку к липким от её соков трусикам.

Нет... Нет, она не будет трогать себя! Ей это было не нужно! Она способна и так! Без позорной стимуляции пальцами!..

Да... Да, даа!.. Верно! Она была на нужной волне! Двигаться. Давиться, кашлять, чувствовать боль, дурманящий голову недостаток кислорода! Ещё чуть-чуть! Немного!.. Взад и вперёд, не отнимая от шершавой плоти губ. Двигать головой, надавливать на член языком, как бы пытаться придавить его к верхнему нёбу!

Чувства захлёстывали её! Это было... было невозможно более терпеть! Вот что она делала? Зачем она это делала? Чтобы самоотверженно доставить бедняге удовольствие! Невзирая на страх и отвращение! И не в силах сдерживаться ни секундой более, она задрала голову и со слезами на плотно стиснутых веках!..

Кончила? Да, она кончила. Но чувства её оказались смазаны, когда она попыталась закрыть рот и сглотнуть смешанную с тухлым презякулятом слюну - несмотря на то, что она выпустила член изо рта, она не смогла этого сделать, ибо длинные нитки кореньев так и тянулись внутрь неё. Внутрь её...

Новая волна холодного, липкого страха охватила дамианку, когда она залилась в приступе кашля - он проникал не в её желудок, о нет! Это было бы ещё безобидно, ведь её животик в целом согласен приносить удовольствие людям.

Он стремился в её лёгкие.

- Нет! Не дёргайся! Не дёргайся, останься!

Сухие руки вновь подтянули её голову к себе, но Шаос в кои-то веки не растерялась. Вывернув голову на сторону, чтобы он не смог войти обратно ей в рот, она схватилась за торчащие меж губ нитки корней и начала вытаскивать их из себя. Содрогаясь в кашле и влажно разбрызгивая слюну и непрерывно текущие слёзы, она на протяжении нескольких долгих секунд вытягивала из своих лёгких гибкие корни, сразу же прячущиеся внутри члена этого мужчины.

- Дай! Дай мне то, что мне нужно! Что НАМ нужно! Ты такая влажная! И тёплая! А мы хотим цвести! Мы хотим расти! Мы хотим множиться! А у нас отобрали эту возможность! Но ты можешь нам помочь! Тебе нужно лишь пустить нас и!..

Герберт обезумел. Он полыхал жаром, а все его засохшие листочки и стебельки будто бы наполнились жизнью, зашевелились и заизвивались. Запульсировали, а кровоточащая кожа в местах растрескивания на глазах покрывалась свежей зеленоватой коркой. И Шаос как бы пыталась от него отбиваться, отталкиваясь от его колен руками в стремлении освободиться, но обвивший её шею корень сильнее впился в её мягкую плоть, душа её и лишая возможности рыпаться.

- Лишь впустить нас и умереть! И тогда вновь расцветёт наша священная роща!

- Н-неееет! - Сдавленно заскулила уж слишком добросердечная дамианка, что всего лишь хотела помочь этому бедняге. И ощутила, как его член прижался к её полуэльфийско-полуполуросличьей ушной раковинке. Одновременно и закруглённой, и удлинённой. И тыкнувшись им в самую дырочку - он выпустил корни...

Шаос околосматило конвульсией. Глаза её широко раскрылись и она, не веря в происходящее... Дёрнулась вновь, когда сухие на концах корешки пробили её барабанную перепонку и проползли дальше внутрь её черепа. В те места, о строении которых она имела лишь самое примерное понятие.

Где-то же там... должен был быть её... её мозг?...

С отвёрнутой набок головой, Шаос бессмысленно пырилась перед собой остекленелым взглядом. Даже слёзы с глаз её течь перестали...

Неужто... её ждёт подобная смерть? Быть досмерти оттраханной в мозг слугою поганого идолища...

Он двинул её головой. Приподнял её и опять насадил. Корешки ушли ещё глубже...

- Хатакри! Хатакри!!

Она уже чувала, как они скребутся в её голове, сеткою опутывают её мозг со всех сторон... им следовало лишь нажать посильнее, нарезая его собой на ломти - и всё. Жизнь её завершится. Дальше они просто вытекут через ухо и даже она, ехидна, того не переживёт...

И в острой вспышке боли они, до... до крови, до борозд расцарапывая ткани её мозга - соскользнули с него, пока бьющуюся в неуправляемых конвульсиях дамианку одним рывком разъединили с кричащим от гнева мужчиной.

Мир померк в пульсирующей алым цветом дымке, пока из уха её фонтанчиком хлынула струйка крови...

Её нога... шевелилась? Сама собой дёргалась? А почему? И почему она видит так... мало?

Шаос прикрыла левый глаз рукой - ничего не изменилось. Она им не видела... Что с ней вообще произошло?

- Очнулась? - Донёлся знакомый голос. Райзи? Да, это была молодая госпожа. Она сидела рядом с ней, пока сама Шаос лежала в своей кровати, накрытая и... не чувствующая тепла? Она в принципе плохо осознавала то, в каком сейчас находится положении. Почему-то ей казалось, что она без конца куда-то движется, а саму её от этого сильно тошнит.

- А-аув-ву...

Язык также не слушался её - совсем не слушался. Она не могла говорить?

- Как ты вообще умудрилась так его довести?! Нам пришлось усмирять его лекарствами! Бедовое ты недоразумение. Ты бы ещё трахаться с ним полезла!

А взять в рот - это как, считается?..

- Лежи спокойно и не дёргайся. Хатакри должна привести моего мужа, чтобы он тебя осмотрел. И только попробуй кровать обоссать! Сама будешь за собой стирать!

<http://tl.rulate.ru/book/412/67055>